

Из династии

Дворжецких

ность? А ведь, по-моему, еще великий Пушкин говорил: «Горе — жизненная школа, счастье — университет».

Не из неприятностей создает себя артист, не из преодоления жизненных передраг (хотя такой путь, наверное, тоже возможен), но из умения видеть мир и изучать его. А еще актера создает отношение к своей профессии. И мне лично нравится, когда Дворжецкий говорит так:

— Я считаю, нельзя браться за дело, если у тебя нет ощущения, что получится гениально. Браться за роль, думая лишь о том, чтобы не опозориться, — нельзя. Получится — не получится — вопрос другой. Работать надо с ощущением: я создаю шедевры.

Про шедевры не скажу, но что его работы запоминаются всегда — это уж поверьте. Зрители знают Евгения Дворжецкого в основном по фильму «Граф Монте-Кристо» — это понятно, и по теледетективу «Вход в лабиринт», где он играл малюсенькую роль — его на костре сжигают, помните? А почему, помните? Не ясно. Можно, конечно, красиво сказать что-то вроде: притяжение таланта или яркость дарования. Ничего подобного! Тайна актерская — вот и все дела.

Воспитанный театральной семьей, Дворжецкий считает себя актером театральным.

— Знаете, когда дети на «Снежной королеве» в самый страшный момент закрывают глаза ладонями и смотрят на сцену сквозь пальцы — это настоящий кайф. Я не выхожу на сцену для того-то или для того-то, чтобы какие-то там задачи решать. Мне просто очень нравится выходить на сцену перед зрителем, — говорит Дворжецкий.

При всем моем уважении к «самому массовому из искусств» я все-таки уверен: настоящий актер Актерыч воспитывается только в театре. У Дворжецкого не просто все нормально, у него все хорошо. Театр — хороший, режиссер — которого он уважает. Роли в кино. Сыграл Маргова в новом телесериале Сергея Колосова о Ленине, сейчас играет Шуру Балаганова в картине Василия Пичула «Остап. История любви». Репетирует новую роль, скоро премьера. Для полноты счастья — он еще попал в очередной наш телесериал, которые любому артисту приносят если уж не удовлетворение, то по крайней мере славу. У него любимая жена и хорошая дочка. У него, пусть и небольшая, но своя квартира. Полный о'кей.

Может быть, мы вообще наконец-то перестанем с пионерско-комсомольским задором восклицать: «Он не искал в жизни легких путей!», а научимся спокойно говорить о человеке: «Внешне его путь был легок, и слава Богу, но за этой легкостью стояли раздумья о жизни. Он много думал и много работал и от этого стал интересен».

Андрей МАКСИМОВ.

Многое, конечно, не понимаю. Скажем, экономический курс или диалоги в пивной — не понимаю и не жалею об этом. Зачем разбираться в том, что и понимать-то противно? А вот актеров понять очень хочется. Тип этот человеческий — невероятный, противоречивый, но ужасно интересный. Хочется, а не получается. Люди, которые всю жизнь играют собой. Из самих себя образы создают. Как же так? Днем поругался с женой, а любви напрочь разуверился, а вечером вышел, сыграл Ромео — и все поверили?

Однажды Евгению Дворжецкому пришлось за три дня влиться на главную роль в спектакль «Мы играем Маяковского». Спектакль был, по моему, так себе — эдакий незамысловатый коллаж по Маяковскому. Но Дворжецкий существовал там как бы отдельно от всего происходящего, не то чтобы выпадал из ансамбля, но был настолько значителен и интересен, что сам по себе как бы спектакль и являл. И что бы он потом ни делал — а играет Дворжецкий в театре, который раньше назывался Центральный детский, а нынче — Российский молодежный, в каком-то невероятном количестве спектаклей, — всегда внимание приковывал. Как это получается, что один артист выходит на сцену, пыхтит там часа три, а у зрителя внутри ничего не шевельнется — только спать охота, другой же вышел, посмотрел в зал, и ты от него уже оторваться не можешь? Загадка.

Что там Дворжецкий внутри себя переживает — этого я не знаю, но чисто внешне путь его выглядит прямым и ясным. Родился в актерской семье. Его отец — знаменитый Вацлав Дворжецкий, у которого, кажется, самое интеллигентное лицо во всем российском кинематографе.

Владислав Дворжецкий, блеснувший в «Беге» и столь рано умерший, — брат по отцу. Мама, Р. Левитз, училась с Анатолием Васильевичем Эфросом и даже играла с ним вместе в одном спектакле. А потом полюбила провинциального актера, позади у которого было четырнадцать лет лагерей, а впереди — невозможность по этой причине жить в столицах. Она стала режиссером из провинции, а потом — педагогом, известным далеко за пределами Горьковской (ныне Нижегородской) губернии. И когда Женя объявил, что едет в Москву учиться на актера, это было воспринято как нечто само собой разумеющееся.

Свою маму Женя искренне считает великим педагогом, и, насколько я знаю, он не далек от истины — но в семье речи о том, что он останется учиться в Горьком, не было. Его отец слишком хорошо знал (увя, и его недавно не стало), что такое хлеб провинциального артиста.

С тех пор Дворжецкому снятся сны страшные и не-страшные. В страшных ему видится, что он забыл роль и убе-

гает со сцены. (Хотя с детства усвоил: быть этого не может никогда, даже пограничник со своего поста может уйти, а артист — нет). В нестрашных снах ему снятся папа и мама, ибо всегда очень они друг по другу тосковали. Отношения трогательные. Однажды Женя должен был проводить на поезд маму с папой и по этому поводу спектакль, где он играл, шел на сорок минут меньше. Ничего не сократили — просто темп взяли иной. Говорят, получилось еще лучше.

Дворжецкому везло и дальше: он попал в Центральный детский театр к Алексею Бородину. Бородин из тех режиссеров, которым надо, чтобы в театре была хорошая атмосфера. Человек с недюжинным характером, он дикторскому окрику предпочитает нормальный разговор. Дворжецкий же воспитан так, что кричать на него нельзя. То есть можно, но бессмысленно. Бородин со своими актерами сочиняют спектакль как бы вместе, как бы сообща. И в этом сообществе Дворжецкий нужен: ведущий актер театра, как-никак. Ну один из ведущих. Один из команды Бородина.

Есть такое странное «поня-

тие» в театре — Актер Актерыч. Для кого-то оно, может, и иронично звучит, для меня — нет. Актер Актерыч — это настоящий артист, в котором, как известно, все должно быть прекрасно: и дикция, и голос, и стать... Вацлав Дворжецкий — тоже ведь Актер Актерыч, и сын его Евгений из этой же породы.

— У актера есть только одна болезнь — смерть. Насморк или там воспаление легких — таких болезней у артистов не бывает, — улыбаясь, говорит Женя, и в этом тоже — позиция Актера Актерыча.

Но когда в жизни человека все так гладко, успешно, «нормально», как говорит сам Дворжецкий, откуда ж, извините, нерв брать? Из нормы страсть не вырастает. Может, любовь там какая несчастная, неприкаянная?

И снова — мимо. Хотя Евгений Дворжецкий на примерно го семьянина не похож, а похож на артиста, которого поклонники у входа в театр стерегут (и стерегут-таки), живет меж тем со своей женой актрисой Ниной Дворжецкой уже одиннадцать лет.

Когда женились, шутили: он, мол, женится из-за прописки,

она — из-за фамилии. Так и шутят одиннадцать лет. Дочку воспитывают. На вопрос: «А что вы делаете в те редкие дни, когда нет ни спектаклей, ни съемок, ни проб, ни радио?» — отвечает, разводя руками:

— Стираю.

И я ему верю. Раз так долго в наше несемейное время с одним человеком живет, так, может, даже еще и в магазины ходит... В чем же загадка Актера Актерыча? Как же он себя строит? Режиссер спектакля «Фауст. Первый вариант» ему, исполнителю главной роли, сказал так: «Как играть Мефистофеля — понимаю, сам играл, а как Фауста — понятия не имею».

Он сыграл Фауста в двадцать четыре года. Играл до сих пор. Таинственного человека, занимающегося, в сущности, одним делом — познанием мира. Интересное это, оказывается, занятие: мир познавать.

Вот я и думаю: может, во мне слишком укрепился жесткий человек, которого на примере Павки Корчагина воспитывали и который всерьез считает, что только трудности и несчастья могут воспитать лич-